

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Наша внутренняя миссія въ настоящее время переживаетъ довольно тяжелое положеніе. Усиливается пропаганда старообрядчества и сектанства, учащаются случаи отпаденія отъ православной церкви. О печальномъ положеніи миссіонерскаго дѣла открыто заявляютъ православные миссіонеры, это же отмѣчаетъ и печать, призванная быть на стражѣ интересовъ нашей внутренней миссии.

Такое положеніе дѣла невольно вызываетъ тревожныя опасенія за дальнѣйшую судьбу внутренней миссии и заставляетъ поставить вопросъ о томъ, какія мѣры нужны для того, чтобы сдѣлать ее болѣе плодотворной, какъ лучше поставить дѣло внутренней миссии, чтобы въ будущемъ не повторялись тѣ печальныя явленія, о которыхъ приходится слышать въ настоящее время.

Въ данное время этотъ вопросъ занимаетъ всѣхъ, кому дороги интересы православной церкви. Имъ интересуется и высшая духовная власть, его обсуждаетъ печать, посвященная вопросамъ внутренней миссии, его касаются сѣзды духовенства, о немъ разсуждаютъ и отдѣльныя лица.

Какъ и слѣдовало ожидать, при рѣшеніи этого вопроса мнѣнія раздѣлились. Но въ общей массѣ мнѣній по этому вопросу можно различить два основныхъ теченія. Одни думаютъ остаться на старой позиціи, и, настаивая на необходимости бороться старымъ и негоднымъ оружіемъ, мечтаютъ о возвратѣ прежнихъ „гонительныхъ“ временъ. Другіе же предлагаютъ дѣятелямъ миссии переродиться, обновиться, стать совсѣмъ другими, измѣнить душу и сердце.

„Два главныхъ теченія мы подмѣчаемъ въ миссіонерствѣ пишетъ миссіонеръ Боголюбовъ, два направленія мысли, ко-

торья можно счесть господствующими. Одно—охранительно-традиціонное, привязанное будто бы и по формѣ и по духу къ тому, что было до послѣднихъ временъ. Это теченіе органически себя спаиваетъ со старымъ церковно-государственнымъ режимомъ нашимъ. Оно видитъ свою норму и идеаль въ тѣхъ порядкахъ, при которыхъ „охранительницею“ чистоты церковнаго вѣроученія являлась свѣтская власть кесаря. Оно вздыхаетъ о тѣхъ временахъ, когда миссіонерамъ свободно было устраивать шумныя состязанія съ расколо-сектантами,—и въ такой полемикѣ люди усматривали самое сильно—дѣйствующее средство въ борьбѣ за цѣлость православнаго стада, а вмѣстѣ главнѣйшую служебную обязанность миссіонеровъ...

Теперь старыя „блаженные“ времена прошли, — и вотъ люди партій, о которой идетъ рѣчь, нервничаютъ, брюзжать, сердятся, составляютъ бранныя статейки на несогласныхъ,—хотя чаще всего не подписываютъ ихъ своими фамиліями, боясь свѣта, и изъ-за угла тѣмъ „дерзновеннѣе“ побораютъ за *свою* правду. Въ своихъ статейкахъ авторы названной категоріи не брезгаютъ передержками чужихъ мыслей, извращеніемъ даже основнаго смысла ихъ и дерзкими подкупамъ подъ ненавистное имъ доброе имя „противника“. А если это не беретъ, пускаютъ въ ходъ угрозы, которыхъ могутъ бояться, впрочемъ, только дѣти, и намеки на какія-то миѳическія „разоблаченія“ въ прошлой дѣятельности неугодныхъ имъ лицъ.

Было время, когда миссіонеры всю силу своего служенія полагали почти исключительно въ шумныхъ состязаніяхъ съ расколо-сектантами. Тогда думали, что у насъ все „добро дѣло“ и *словами* къ намъ можно повернуть какихъ-угодно противниковъ. Тогда же отъ исхода публичныхъ состязаній ставили въ зависимость самую устоячивость христіанъ въ церкви, или массовое отклоненіе отъ нея—въ случаѣ неудачи миссіонера.

Это было время, какъ теперь выяснилось, *преувеличенныхъ* надеждъ на публичныя состязанія съ отступниками церковными,—время чисто „героической“ вѣры въ непобѣдимость православныхъ полемистовъ и убѣжденія *искренняго* въ идейномъ ничтожествѣ и ребяческомъ безсиліи нашихъ противниковъ. Время это, кромѣ того, характерно по простотѣ и

и наивности взгляда на сущность историческаго процесса. Думали люди, что словами и разговорами, вопреки стихіямъ, событія можно направить туда, куда хочется начальству. Для того—только языка да легкихъ не жалѣй!..

Теперь—можно сказать—безповоротно прошла эта золотая пора первыхъ миссіонерскихъ увлеченій. Долгій опытъ научилъ насъ сдержаннѣе судить о вещахъ. Нынѣ къ публичнымъ бесѣдамъ со всѣхъ сторонъ приходится отмѣчать иное отношеніе. И прежде всего со стороны самихъ „прящихся“ собесѣдниковъ. На публичныхъ „разглагольствіяхъ“ о предметахъ вѣры они чаще всего чувствуютъ себя, какъ на словесномъ „спортѣ“, и—бываетъ—не обнаруживаютъ при этомъ и тѣни искреннихъ благочестиво-христіанскихъ настроеній.

Такое отношеніе къ миссіонерскимъ бесѣдамъ наблюдается особенно тамъ, гдѣ онѣ стали „обдержнымъ явленіемъ, гдѣ онѣ ведутся извѣстными начетчиками съ обѣихъ сторонъ и продолжаются въ теченіе цѣлаго „сезона“, какъ на Нижегородской ярмаркѣ. Ярмарочныя бесѣды я наблюдалъ за время двухъ „сезоновъ“. И, не скрою, въ оба раза уносилъ съ нихъ грустное, прямо тяжелое впечатлѣніе! Чѣмъ-то средневѣковымъ, суетнымъ и полухристіанскимъ, вѣяло на меня отъ нихъ.

Держась своихъ убѣжденій, мы исходимъ прежде всего изъ факта, что въ нашемъ миссіонерскомъ арсеналѣ нѣтъ оружія, грознаго и страшнаго для нашихъ противниковъ. Мы *изжили*, если такъ можно выразиться, наслѣдство, доставшееся намъ отъ старыхъ миссіонеровъ. Мы затаскали на бесѣдахъ со старообрядцами прежнія „святоподобія“; противъ нихъ, въ параллель, выдвигается нынѣ другой рядъ „хриstopредаанныхъ свидѣтельствъ“. И свѣжій слушатель, безпристрастно взвѣсивая пренія о вѣрѣ, не всегда склонится на нашу сторону. Я самъ наблюдалъ за впечатлѣніями у слушателей нижегородскихъ бесѣдъ. И могу усиленно настаивать на томъ, что здѣсь говорю...

На старыхъ устояхъ наше миссіонерство дальнѣе держаться не должно. И ему слѣдуетъ стать въ уровень съ современными обстоятельствами. А для того намъ, миссіонерамъ, предстоитъ *поновить* свои доспѣхи основательно. Предстоитъ освѣжить все наше міровоззрѣніе, выбросивъ изъ него пункты, порабощающіе насъ режиму и отрывающіе насъ отъ возмож-

ности служить на землѣ общественно-христіанскому прогрессу. Намъ дальше необходимо выбрать другіе *исходные* пункты къ своей полемикѣ и укрѣпить тщательно новыми данными самые способы нашихъ доказательствъ.

Но это у насъ пока не сдѣлано, а со старымъ добромъ являться передъ хорошимъ возражателемъ, не значить ли только „поговорить вообще“ и никого ни въ чемъ не убѣдить? („*Прав. Путевод.*“ № 3, стр. 186—189).

Таковы два господствующихъ направленія въ вопросѣ о желательной постановкѣ миссіонерскаго дѣла въ будущемъ. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что первое изъ указанныхъ направленій имѣетъ весьма ограниченный кругъ своихъ сторонниковъ. Это направленіе не имѣетъ подѣ собою жизненной почвы, и неизбежно должно умереть естественной смертью. Такой конецъ—вопросъ только времени и можно надѣяться, что ближайшаго времени. Болѣе привлекательнымъ и повидимому болѣе живымъ и современнымъ является второе теченіе въ миссіонерствѣ. Но и здѣсь такъ много неопредѣленнаго и неяснаго, что едва-ли можно надѣяться, что оно привьется въ жизни и пустить глубокіе корни. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ, что миссіонерству „слѣдуетъ стать въ уровень съ современными обстоятельствами“? Какъ миссіонеры могутъ „поновить свои доспѣхи“, да еще „основательно“? Какъ они могутъ „освѣжить все свое міровоззрѣніе“, „выбрать другіе исходные пункты къ своей полемикѣ“? Все это означаетъ то, что въ дѣлѣ миссіи нужно оставить старыя формы и только вложить въ нихъ, если и не совсѣмъ новое, то подновленное, „освѣженное“ содержаніе. Но жизнь не можетъ ограничиться такими уступками. Она требуетъ новаго содержанія и вмѣстѣ съ тѣмъ новыхъ формъ. Новое молодое вино нельзя вливать въ старыя мѣха. Г. Боголюбовъ, который является защитникомъ разсматриваемаго направленія, настаиваетъ на необходимости дать иное направленіе дѣлу миссіи, но онъ не хочетъ оставить тѣхъ внѣшнихъ формъ, въ которыхъ проявлялась доселѣ миссіонерская дѣятельность. По его мнѣнію, по прежнему нужны спеціальныя миссіонеры, по прежнему нужна открытая полемика и пр. Но это не такъ. Нужно замѣнить новой всю постановку миссіонерскаго дѣла. Существовавшая доселѣ постановка внутренней миссіи носила какой то внѣшній, чи-

новничій характеръ. Она не имѣла тѣсной, внутренней связи съ дѣломъ пастырства, къ которому миссія должна относиться, какъ составная часть къ своему цѣлому. А потому миссія и не приносила существенной пользы дѣлу истиннаго пастырскаго служенія. Пастырство и миссіонерство представляли собой два служенія, строго обособленныя другъ отъ друга. Такой порядокъ на дѣлѣ приносилъ нерѣдко громадный вредъ дѣлу пастырства, вызывая нежелательныя явленія въ отношеніяхъ между представителями того и другаго служенія. Нужно пастырство и миссіонерство совмѣстить въ одномъ лицѣ, необходимо вдохнуть жизнь въ дѣло пастырства и тогда уже не будетъ нужды въ специальномъ обновленіи отдѣльной отрасли пастырскаго служенія—миссіонерства. Специальный миссіонеръ—чиновникъ—это старая форма; какъ ее не обновляй, она не станетъ новой по существу, по духу. Ее нужно уничтожить. Г. Боголюбовъ, какъ миссіонеръ, не могъ высказать прямо этой мысли, но она является естественнымъ выводомъ изъ его же словъ. Онъ настаиваетъ на необходимости поставить миссіонерство въ уровень съ современными требованіями. Но современная жизнь и требуетъ уничтоженія specialнаго института миссіонеровъ, который причинилъ дѣлу пастырства столько вреда, внесъ столько путаницы въ отношенія между пастырствомъ и миссіей. Духовенство всегда подозрительно относилось къ миссіонерамъ и теперь оно настойчиво заявляетъ мысль о необходимости устраненія specialныхъ миссіонеровъ-чиновниковъ.

Въ „Пенз. Еп. Вѣд.“ помѣщена статья подъ заглавіемъ „Внутренняя миссія и приходское духовенство“, въ которой подробно и обстоятельно раскрыта мысль о полной бесполезности и даже вредѣ для дѣла истиннаго пастырства specialнаго института миссіонеровъ и ихъ дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется необходимость передать дѣло внутренней миссіи въ руки приходскихъ пастырей.

Отмѣтивши, что существующая доселѣ постановка миссіонерскаго дѣла запечатлѣна характеромъ чисто чиновническимъ, бюрократическимъ, авторъ указываетъ, что прямымъ послѣдствіемъ этого было прежде всего развитіе въ духовенствѣ спячки и лѣни: если русскій человѣкъ отъ природы своей имѣетъ предрасположеніе къ лѣни и ничегоне-

дѣланію, если, въ частности, наше духовенство особеннымъ усердіемъ и ревностью въ отправленіи своихъ великихъ обязанностей пастырскаго проповѣданія Слова Божія и церковно школьнаго учительства не отличалось и въ прежнее время, то учрежденіе миссій, появленіе цѣлаго штата миссіонеровъ еще больше успокоивало его, повергало въ спячку и лѣнь. Вотъ, по слухамъ, въ деревнѣ, отстоящей иногда отъ церкви и отъ дома священника въ 5—7 верстахъ, явились какіе-то подозрительные „странники“, которые мутятъ народъ, рассказывая о какой-то новой, истинно-христіанской вѣрѣ; передаютъ священнику, что многіе прихожане изъ той деревни уже „замолоканили“, т. е. постовъ не признаютъ, предъ иконами не молятся, кресты съ себя посяли, водки не пьютъ, другъ другу помогаютъ, дѣлаютъ собранія и читаютъ евангеліе и т. д.; наконецъ, одинъ, два, пять домовъ, при хожденіи съ пасхальными молебнами прямо уже заявляютъ священнику, что они сдѣлались *истинными* христіанами, въ православную церковь ходитъ, поэтому, не будутъ и православнаго священника въ свои дома принимать отказываются... „Надо что-нибудь сдѣлать, надо какъ-нибудь *поприжать*,“—думаетъ священникъ и вмѣсто того, чтобъ идти къ заблудшимъ овцамъ и въ духѣ апостольской ревности божественнымъ глаголомъ „прожечь сердца людей“, не торопясь... пишетъ отношеніе къ епархіальному миссіонеру, въ которомъ, извѣщая послѣдняго о проявленіи въ его приходѣ *какого-то* противоцерковнаго заблужденія, проситъ его пріѣхать на мѣсто для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ. Рьяный, воинствующій миссіонеръ (изъ статскихъ) поспѣшно отправляется на мѣсто; по пути прихватываетъ, иногда для избѣжанія могущихъ возникнуть при собесѣдованіяхъ осложненій, а можетъ быть просто для приданія вящаго авторитета своему дѣлу, урядника, а по временамъ даже и самого станового пристава. Пріѣзжаютъ въ деревню съ шумомъ и трескомъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ тамъ случилось дѣйствительно нѣчто ужасное, и это ужасное надо сокрушить, раздавить, уничтожить. Миссіонеръ останавливается въ волостномъ правленіи, вызываетъ, какъ своего подначальнаго, священника приходскаго, спрашиваетъ о времени появленія ереси, о характерѣ ея и пр. (все это для того, чтобъ опредѣлить, что это за секта и въ какой параз-

рафъ или клѣточку его вѣдомости, составленной по учебнику, войдетъ она), затѣмъ назначаетъ часъ и мѣсто публичнаго собесѣдованія. Виновные и заподозрѣнные, въ большинствѣ случаевъ, конечно, не являются. Тѣмъ не менѣе, собесѣдованіе состоялось. Народу набралось много: сельчане такъ мало видятъ и слышатъ, что прямо, какъ мухи на медъ, падаютъ на всякую новинку въ этомъ дѣлѣ. Миссіонеръ, изящный и образованный, громить всѣхъ враговъ и супостатовъ и, конечно, такъ же побѣдоносно уѣзжаетъ изъ деревни, чтобы тамъ, въ городѣ, сидя въ уютной комнаткѣ, среди дышащей довольствомъ обстановки, приступить къ составленію доклада по начальству о благихъ результатахъ своей поѣздки, о значеніи миссіи вообще, бездѣятельности сельскаго духовенства и нищетѣ деревенской въ частности... Что же дѣлаетъ въ это время эта нищета-то деревенская? Деревня завозилась—тамъ теперь конца нѣтъ разговорамъ. „Вотъ это говорокъ: какъ онъ чистилъ!.. Здорово говорилъ... признаться, не уразумѣлъ я, что и какъ... гдѣ намъ?.. Ихъ дѣло ученое, а здорово... А нашъ батя-то? Какъ воды въ ротъ набралъ, хоть бы словинушко проронилъ... куда-что дѣвалось? Плоховать нашъ батя... видно не съ нашимъ братомъ изъ за свадьбы рядиться!.. А чинъ-то большой, надо полагать... изъ становыхъ, должно, будетъ“... Тяжело подумать, что сдѣлалъ этотъ турниръ миссіонерства: никого онъ не убѣдилъ, сектантамъ руки развязалъ и призналъ ихъ силой, имѣющей право на самоопредѣленіе и гражданское бытіе; авторитетъ приходскаго пастыря окончательно уронилъ!..

Конечно, далеко не по адресу cadaго приходскаго священника можно предъявить упреки въ индефферентизмъ и нерадѣніи къ своей паствѣ, да никто и не думаетъ дѣлать упреки; дѣло не въ упрекахъ, а въ правдѣ,—той правдѣ, которая перехватываетъ горло иногда такими тяжелыми спазмами, которая заставляетъ человѣка съ крѣпкими нервами разразиться подчасъ горькими слезами. Слава Богу! Русская церковь никогда не оскудѣвала священниками, высоко держащими великое знамя своего пастырства и учительства! Но что нарисованная сейчасъ картина дѣйствительно встрѣчалась такъ недавно, почти что вчера, это—фактъ; отрицать его нельзя. И корень его заключается глав-

нымъ образомъ въ бюрократическомъ строѣ нашей жизни. Извѣстно, что учрежденія или воспитываютъ людей или развращаютъ. Въ данномъ вопросѣ бюрократія (въ лицѣ миссіонера), сама того не вѣдая, сыграла несомнѣнно самую неблагодарную роль въ отношеніи духовенства... Цѣлыя арміи миссіонеровъ не только не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагались при введеніи ихъ института, не только не вызвали къ жизни дремлющія силы православно-русскаго прихода, но, напротивъ, еще болѣе усыпили ихъ. Канцелярія могла создать только канцелярію. Мы завели многообразныя рубрики для регистраціи раскольническихъ сектъ и толковъ и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, боясь, какъ бы не перепутать эти клѣточки, какъ будто отъ этого будутъ поколеблены міровыя основы,—наполняли ихъ весьма солидными цифрами. Къ сожалѣнію, у миссіонеровъ весьма замѣтно пустовала и даже по временамъ совсѣмъ отсутствовала графа объ обращенныхъ ими изъ раскола въ православіе. А интересно и поучительно было бы знать, когда у насъ больше было раскольниковъ; тогда ли, когда вводились миссіонеры, или теперь, когда они должны будутъ или совсѣмъ ликвидировать свои операціи, или придать своей дѣятельности совершенно иной характеръ. Причина (главная) малоуспѣшности внутренней миссіи впрочемъ очень понятна. Обращаетъ на путь истины, въ особенности въ такомъ сокровеннѣйшемъ и интимномъ дѣлѣ, какъ религія, не ожесточенный споръ, хотя бы очень умный и ученый, а любезное, ласковое слово, согласное съ доброй, христіанскою жизнію проповѣдника. Миссіонеръ-человѣкъ пріѣзжій, изъ деревенскихъ обывателей его никто не знаетъ. „Говорить-то хорошо, а кто его знаетъ, кто онъ такой“,—развѣ не въ правѣ приложить эту рѣчь каждый селянинъ къ пришлецу-миссіонеру? Даже идейно настроенный миссіонеръ, какъ много и онъ долженъ знать изъ жизни того сѣраго мужика, котораго онъ хочетъ сейчасъ поучать и обличать. Въ нашей землѣ что ни городъ, то поровъ, что не деревня, то обычай. Прежде чѣмъ подойти къ этой деревнѣ, изучите точно, до мелочей изучите психологию населенія, его исторію, жизнь, обычаи, повѣрья и т. д. Развѣ неизвѣстны случаи, когда миссіонеръ, мало того, что попадалъ въ просакъ, но и все дѣло проигрывалъ только

тѣмъ, что здѣсь, какъ говорится, переступилъ, а тамъ не достучалъ. Однажды миссіонеръ,—одинъ изъ видныхъ епарх. миссіонеровъ, въ совершенствѣ знающій расколъ и самою жизнью наученный приемамъ воинствующаго словопренія,—потерялъ весь успѣхъ своего м. б. блестящаго съ формальной стороны собесѣдованія тѣмъ, что, пріѣхавши въ село, гдѣ на завтра было назначено собесѣдованіе о богоучрежденности россійской іерархіи, и расположившись для ночлега на постояломъ дворѣ, потребовалъ спичку, чтобъ закурить папироску. „А, батюшка, священникомъ будете?“ спросила старушка-хозяйка, освѣщая свѣчой лицо миссіонера. Это вы на завтра бесѣду держать будете?“... Бесѣдовать впрочемъ миссіонеру не пришлось ни завтра, ни послѣ завтра, ибо раскольники, на предложеніе священника *поговорить* съ миссіонеромъ, категорически заявили, что „они съ табашниками не разговариваютъ“...

Бюрократическій характеръ, которымъ проникнуть институтъ миссіонеровъ, сдѣлалъ и ихъ дѣятельность безжизненной и мертвой. Публичныя собесѣдованія миссіонеровъ съ старообрядцами и сектантами превратились въ одну шумиху, говорильню. Духа Божія, согрѣвающего и созидающаго, тутъ не было; не могло быть, слѣдовательно, и настоящихъ душевныхъ обращеній къ православію. Изъ числа этихъ обращеній, обычно регистрируемыхъ и рапортируемыхъ миссіонеромъ въ видѣ результатовъ его многоплодной противораскольнической дѣятельности, большая часть приходилась всегда или на людей безразличныхъ,—ни теплыхъ, ни холодныхъ,—или корыстныхъ—тѣ и другіе ничего завиднаго, въ смыслѣ, пріобрѣтенія для православной церкви, изъ себя, конечно, не представляли, и могли такъ же легко и такъ же скоро опять уйти въ расколъ, какъ легко и скоро перешли въ православіе, что блестяще и подтвердилось массовыми отпаденіями отъ православія послѣ *указовъ* 17 апрѣля и 17 октября.

Припоминается слѣдующее обстоятельство. Дѣло было въ началѣ 80-тыхъ годовъ. Въ одну изъ деревень Пенз. еп., гдѣ расколъ старообрядчества издавна свилъ себѣ прочное гнѣздо, рѣшилъ пріѣхать знаменитый (о немъ много говорили тогда) миссіонеръ для собесѣдованій съ раскольниками. Общество завозилось, разговорамъ и предположеніямъ не

было конца. Интересовались, кажется, больше православные, ожидая, что „теперь раскольниковъ подъ орѣхъ раздѣлають“... Наконецъ, былъ назначенъ день прїѣзда миссіонера и часть собесѣдованія и вотъ на собесѣдованіе народъ православный потянулся, какъ на престольный праздникъ: шли пѣшіе, ѣхали пары, тройки, даже коляски. Поднялся вмѣстѣ съ другими и нѣкій старецъ,—теперь уже покойникъ,—бывшій когда-то мировымъ посредникомъ, съ довольно опредѣленнымъ и нескрываемымъ, по обычаю такихъ людей, отрицательнымъ направленіемъ къ православной церкви и ея задачамъ. Онъ ѣхалъ, повидимому, только изъ удовольствія посмотрѣть и послушать, что будутъ дѣлать и говорить эти сѣрые мужички,—заранѣе увѣренный, что серьезнаго, захватывающаго изъ этого собесѣдованія ничего не можетъ выйти ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Могло статься, что впоследствии онъ не преминулъ бы указать, при случаѣ, на это собесѣдованіе въ видѣ доказательства своей излюбленной старческой мысли, какъ люди восьмидесятыхъ годовъ, вопреки имъ—шестидесятникамъ, любятъ-де ломиться въ открытую дверь, умѣютъ ставить вмѣсто дѣла бездѣлье, даже любоваться своими, въ существѣ дѣла бездѣльными, упражненіями. Во всякомъ случаѣ, чтобъ собесѣдованія тронули этого видавашаго вида народника, предполагать было нельзя. И что же? Можно-ли повѣрить, что онъ вернулся домой положительно потрясеннымъ и разбитымъ? „Бѣдный народъ! Несчастливая русская церковь!“—говорилъ онъ, всплескивая руками. „Вѣдь я видѣлъ и слышалъ одно издѣвательство, глумленіе сильнаго человѣка надъ слабымъ. Мужикъ идетъ съ жаждой послушать слово Божіе, разрѣшить недоумѣніе, душу наболѣвшую успокоить, а тутъ одно сплошное ругательство. Повѣрите ли,—негодавалъ онъ,—впродолженіи цѣлаго часа (собств. собесѣдованія), только и слышно было, какъ на каждую попытку мужика что-нибудь спросить, или возразить, или просто формулировать свои мысли, слышались оклики: „эхъ, другъ, землю бы тебѣ пахать, а ты вонъ куда лѣзешь... Не твоего ума это дѣло... несешь невѣдомо что... Поумнѣй тебя были, да такихъ вопросовъ не задавали... И видно сразу, что мужикъ—не отеса... Корни бы тебѣ копать, а не о вѣрѣ разсуждать“...—„Нѣтъ, эти собесѣдованія закономъ слѣдуетъ запретить, а не покровитель-

ствовать имъ“,—кричалъ возмущенный старецъ!—„И представьте себѣ, кто говоритъ это“,—не унимался онъ: „такой мужикъ, какъ и стоящіе предъ нимъ эти сѣрые зипуны. Давно ли ты самъ то вылѣзъ изъ этой сермяги?“ и т. д. и т. д.

Приведя еще нѣсколько примѣровъ уже изъ недавняго прошлаго, подтверждающихъ мысль о непригодности публичныхъ собесѣдованій, какъ средства привлеченія старообрядцевъ и сектантовъ въ лоно православной церкви, авторъ статьи говоритъ:

„Итакъ, наши миссіонеры ни по характеру миссіонерскаго института, какъ учрежденія внѣшняго и, слѣд. съ дѣломъ пастырства внутренней, тѣсной связи не имѣющаго,—ни по постановкѣ, въ частности, своихъ собесѣдованій,—существенной пользы дѣлу истиннаго пастырства никогда не принесли и, правду говоря, приносить не могли. Тѣмъ не менѣе, миссіонеры, какъ говорится, не унывали, но, воинствуя съ раскольниками, въ то же время мечтали прибрать покрѣпче къ своимъ рукамъ и самое духовенство, сдѣлаться его полновластными распорядителями. Миссіонеры не думали даже скрывать такихъ милыхъ вождѣлвнй, даже печатно не стѣснялись высказывать ихъ. Такъ, нѣкто К. Поповъ, одинъ изъ воинствующихъ миссіонеровъ, на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, болѣзненно восклицаетъ: „отчего это у насъ и доселѣ еще миссіонеръ не самостоятельное служебное лицо въ своемъ дѣлѣ, а составляетъ что-то въ родѣ разсмыльнаго разныхъ братствъ, который обязанъ по указу пріѣхать въ село, провести бесѣду съ сектантами и только. Этимъ его роль и кончается. Пріѣзжаетъ наблюдатель церковныхъ школъ и другая картина! Священникъ идетъ съ нимъ въ школу, даетъ ему отчетъ о своихъ занятіяхъ въ школѣ и наблюдатель видитъ и составляетъ свое мнѣніе объ успѣхахъ школы; а у миссіонера выходитъ такъ, что онъ ведетъ бесѣду съ диссидентами, а священникъ сидитъ дома и занимается въ это время далеко не пастырскимъ дѣломъ. Наблюдатель имѣетъ право донести о нерадивомъ къ школѣ священникѣ, миссіонеръ лишенъ этого права... Нерадѣніе къ школѣ взыскивается и наказуется епархіальнымъ начальствомъ, а нерадѣніе къ паствѣ, созданіе въ приходѣ секты проходится молчаніемъ и миссіонеръ не въ правѣ выска-

заться по этому дѣлу“ (Миссіон. Обзорніе 1903 г. т. 11-стр. 737-я).

Такъ и сводилось все дѣло къ тому, чтобъ и безъ того приниженное и обезличенное духовенство окончательно добить и совсѣмъ обезличить. Бюрократическая машина, разъ она вошла въ живое дѣло, доведетъ свою систему до конца, она постарается до конца обезличить остающіеся еще живые проблески мысли и дѣла,—таковъ историческій законъ ея существованія.

При такой постановкѣ внутренней миссіи священникъ, превратившись въ чиновника, совершенно отстранился бы отъ дѣла и отписывался бы бумажками. Что это такъ и рисовалось въ перспективѣ, какъ нѣчто желанное, многимъ и многимъ незваннымъ радѣтелямъ духовенства, доказываетъ между прочимъ, слѣдующій,—маленькій, но довольно поучительный случай изъ жизни пишущаго эти строки. Въ 80-тыхъ годахъ мною было написано нѣсколько статей по поводу появленія и распространенія сектантства въ предѣлахъ Пенз. епархіи. Въ одномъ мѣстѣ, говоря о томъ, какъ обыкновенно заражается и распространяется молоканство въ нашихъ глухихъ деревняхъ, я писалъ. „Распространеніемъ молоканскихъ бредней въ деревнѣ N, занялся было одинъ дворовый человѣкъ M. Въ предѣлы прихода, къ которому принадлежитъ деревня N, онъ появился лѣтъ двѣнадцать тому назадъ и въ то время былъ православнымъ. Но лѣтъ пять тому назадъ, M. сходилъ въ Саратовъ къ своему дядѣ, коренному духобору, и чрезъ годъ пришелъ оттуда уже истымъ молоканиномъ. Поселившись въ деревнѣ N, онъ сталъ обильно сѣять молоканскія бредни. Къ счастью, въ послѣднее время M. долженъ былъ покинуть деревню N и съ его уходомъ, молоканство, надо надѣяться, будетъ подавлено въ этой деревнѣ въ скоромъ времени“. Кажется, самыя благонамѣренныя рѣчи? И что бы возражать противъ нихъ? Вѣдь способъ и образъ распространенія молоканства указаны ясно, чего же больше? Такъ нѣтъ же! Одинъ изъ миссіонеровъ (конечно, воинствующій) разразился противъ этихъ строкъ цѣлой филиппикой. Смыслъ его негодующей рѣчи былъ такой. Что это, молъ, за манера у священниковъ не говорить прямо, а экивоками: „деревня N, дворовый человѣкъ M. Почему прямо не назвать деревни, не указать даже разстоянія отъ ближайшей же-

лѣзно-дорожной станціи? Почему не написать полной фамилии двороваго человѣка? Тогда епархіальный миссіонеръ, ищущій себѣ работы, можетъ быть въ данное время скачущій отъ бездѣлья, могъ бы въ удобную для него минуту, не дожидаясь официальныхъ приглашеній, отправиться въ деревню N и поговорить съ M. Можетъ быть этого было бы достаточно, чтобъ зло уничтожить въ корнѣ?“ Видите, о чемъ мечтаетъ миссіонеръ. Священникъ только пиши и увѣдомляй, а начальство ужъ распорядится, оно непогрѣшительно знаетъ, что нужно сдѣлать. Ну, а при чемъ же тутъ самъ-то священникъ?—Хотѣлось бы спросить. Можетъ быть, онъ, считая себя на мѣстѣ и еще не сданнымъ въ архивъ, потому и не написалъ имени деревни, что считалъ пріѣздъ миссіонера въ свой приходъ излишнимъ, а для своего пастырскаго авторитета и унизительнымъ? Съ другой стороны, попробуйте-ка назвать, примѣрно, молоканиномъ этого уклоняющаго M., да еще печатно, что онъ съ вами сдѣлаетъ? Въдь онъ еще связи съ церковью окончательно не разорвалъ? Какой же онъ молоканинъ? Это оскорбленіе... Поводъ къ судебному дѣлу... Другой примѣръ. Нѣкій ученый знатокъ раскола (конечно книжнаго), засѣдая въ какомъ то таинственномъ просвѣтительномъ обществѣ и рассматривая донесенія священниковъ о положеніи раскола въ ихъ приходахъ, изъ себя выходилъ, даже бранилъ духовенство, называя его чуть не невѣждой, когда появившееся въ какомъ либо приходѣ новое ученіе сектантскаго направленія не подходило и не укладывалось въ клѣточки его учебника и не могло быть сопричислено ни къ одному изъ получившихъ уже права на гражданское существованіе толковъ. Священникъ пишетъ, что и „не знаю, молъ, какъ назвать этихъ людей,—не то они—хлысты, не то еще кто“.—Очевидно, замѣчаетъ расколвѣдъ, священникъ забылъ или совсѣмъ не знаетъ, что указанныя имъ черты новаго ученія составляютъ существенную черту такой-то секты“. Итакъ, быть по сему: сопричислить (т. е. поставить въ такую-то клѣточку) этихъ людей именно къ этой сектѣ; другими словами, да будетъ хлыстовство (примѣрно) въ этой деревнѣ, хотя бы его тамъ и не было, да можетъ быть и теперь нѣтъ. А вотъ если бы этотъ представитель канцелярскаго расколвѣднія потрудился опросить на мѣстѣ этихъ новыхъ раскольниковъ, то

его клѣточки или должны были бы увеличиться въ своемъ числѣ до безконечности, или совсѣмъ растаять отъ недоумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, спросите раскольника: „ты какого согласія?“—„Мы больше по старой вѣрѣ“,—вотъ единственный отвѣтъ, который вы получите изъ сотни въ девяносто девяти случаяхъ. Если жь, не удовлетворившись этимъ, постараетесь идти дальше,—чтобъ соприсчислить его къ тому или другому извѣстному толку,—и разобрать отличительныя черты ученія, котораго онъ придерживается, увидите, что чего-либо опредѣленнаго (кромѣ того, конечно, что онъ старообрядецъ или сектантъ, поповецъ или безпоповецъ), что бы давало возможность сразу назвать извѣстный толкъ, тутъ не имѣется на лицо, а въ каждой семьѣ, въ каждомъ раскольникѣ непременно окажется понемногу и изъ того, и изъ этого согласія. Тѣмъ большую силу имѣеть сказанное въ отношеніи къ новѣйшему сектантству. Тамъ всѣ—„истинные христіане“, у всѣхъ тамъ общія черты одинаковы; разбирай теперь, кто изъ нихъ молоканъ, кто баптистъ, кто штундистъ...

Конечно, общій отчетъ надо же какъ-нибудь составлять; тамъ не напишешь, что „и не знаю, молъ“; и т. д. тѣмъ не менѣе нельзя безнаказанно забывать и того, что жизнь дѣйствительная идетъ по своей дорогѣ, въ канцелярскія рамки—заранѣе выработанныя, можетъ быть, и по всѣмъ правиламъ искусства,—она не укладывается!..

Конечно, не всѣ представители и защитники воинствующаго миссіонерства видѣли единственное спасеніе православно-русской церкви въ предоставленіи разнаго рода правъ и преимуществъ подвизающимся нынѣ агентамъ внутренней миссіи за счетъ приходскаго духовенства. Болѣе осторожные и внимательные изъ нихъ сознавали, что внутренняя миссія, безъ помощи приходскаго духовенства, едва ли что можетъ сдѣлать на пользу церкви. Поэтому, видя безрезультатность миссіонерскихъ потугъ, взывали къ помощи сельскаго духовенства, которое самими же миссіонерами признавалось ничего не дѣлающимъ и даже неспособнымъ къ дѣлу (См. приведенную выше статью миссіонера К. Попова въ „Мисіон. Обзорѣніи“), и тѣмъ самымъ показывали собственную безпомощность и ненужность.“

Резюмируя сказанное, авторъ приходитъ къ такому заклю-

ченію: внутренняя миссія, какъ она доселѣ существуетъ у насъ, никогда существенной пользы церковному дѣлу не приносила и приносить не могла, хотя и требовала для своего существованія большихъ расходовъ, такъ какъ выдвинула цѣлую армію епархіальныхъ и окружныхъ миссіонеровъ, которымъ такъ или иначе надо было дать приличное содержаніе. Напротивъ, она могла еще болѣе усыпить дремлющее духовенство, прикрывая его бездѣятельность внѣшнимъ благополучіемъ и бумажками. И теперь, если послѣ 17 апрѣля 1905 г. миссіонерамъ придется вспомнить объ юрьевомъ днѣ, ни русскому обществу, ни тѣмъ болѣе православному духовенству плакать не придется. Только бы скорѣе дана была нашей церкви полная свобода *внутренней* жизни! Она выйдетъ тогда на борьбу сама, безъ внѣшнихъ подпорокъ и постоитъ за себя. Можетъ быть, и потери на первыхъ порахъ потерпитъ. Чужь? Безъ потерь борьбы не бываетъ. За то время дремоты пройдетъ. Настоящая жизнь пробудится.

Далѣе авторъ подробно развиваетъ мысли о необходимости передать самимъ пастырямъ дѣло внутренней миссіи.

Нѣтъ, только пастырь, какъ душа прихода, — пастырь, поставившій предъ собою идеаль истиннаго пастыря во всей его полнотѣ и обязательности, — пастырь, согрѣтый святымъ воодушевленіемъ, по мѣрѣ силъ, осуществить этотъ идеаль въ своей жизни, хотя бы и ждали его на избранномъ пути тернія и невзгоды, — только такой пастырь и будетъ истиннымъ миссіонеромъ своего прихода. Исполненная любви атмосфера, идущая, какъ лучезарное сіяніе отъ этого служителя Божія и продолжателя дѣла Великаго Святителя; христіанское смиреніе предъ великимъ дѣломъ водительства ко спасенію врученной ему паствы Христовой; всегдашнее желаніе и готовность христіански помочь меньшему брату, поддержать въ бѣдѣ, погоревать его горемъ, поплакать его слезой; простое, всѣмъ доступное, этой пастырскою любовью согрѣтое слово, а главное, жизнь, согласная съ ученіемъ Христа и слово пастыря — учителя оправдывающая, — вотъ что, вмѣстѣ все взятое, можетъ создать истиннаго миссіонера и создать, повторяемъ, прежде всего, скорѣе всего и легче всего въ лицѣ приходскаго священника, а не пришлаго челоуѣка.

Правда, миссіонеръ долженъ имѣть специальную подготовку. Но развѣ наши духовныя семинаріи не даютъ этой подготовки? Даютъ, несомнѣнно даютъ, и даютъ въ совершенно достаточной мѣрѣ. Суть въ томъ, чтобъ не переставать учиться послѣ семинаріи, — учиться не только изъ книги, но вмѣстѣ и главнымъ образомъ изъ жизненнаго опыта. У насъ сложилось какое-то странное, чтобъ не сказать больше, предубѣжденіе, что приходскій священникъ, хотя бы онъ былъ образованнымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, разъ онъ получилъ только семинарское образованіе, не можетъ быть настоящимъ миссіонеромъ, сравниться съ миссіонеромъ изъ вчерашнихъ мужиковъ—старобрядцевъ, въ большинствѣ случаевъ полуграмотнымъ и неотесаннымъ или, тѣмъ паче, съ миссіонеромъ-академикомъ, хотя бы и юнцомъ, но имѣющимъ академическій значекъ. Неужели еще у священника, имѣющаго и общее среднее образованіе, и специальную богословскую подготовку, и дальнѣйшее развитіе, соединенное съ практикой жизни, этой лучшей нашей учительницы, чего-то не хватаетъ такого, что есть и у миссіонера—крестьянина, и у юноши—академиста, можетъ быть и блестящаго, но только что шагнувшаго въ жизнь?

Припоминается одинъ священникъ; онъ, только что окончивъ съ семинаріей, попалъ іереемъ въ одно изъ самыхъ глухихъ сель епархіи. Зброшенный гдѣ-то въ лѣсной глуши, состоящій изъ цѣлаго десятка маленькихъ поселковъ, вдали не только отъ города, но даже отъ большихъ базарныхъ сель, приходъ этотъ, въ мѣстномъ духовномъ мірѣ считался какъ бы мѣстомъ ссылки для провинившихся священниковъ. Ни школы, ни волости, ни помѣщика во всемъ приходѣ. Народъ, потомокъ мещеры, дикій, черный, грубый. Отбывши наказаніе въ видѣ годовой ссылки, священники бѣжали изъ этой прекрасной веси просто безъ оглядки. Можно представить себѣ, что чувствовалъ молодой священникъ, попавши въ такое село. Къ счастью его и прихода, онъ не упалъ духомъ и взглянулъ на дѣло совсѣмъ не такъ, какъ смотрѣли его предшественники. Онъ принялся за работу съ первыхъ же дней; набралъ два десятка 13 — 14-лѣтнихъ подростковъ и началъ учить ихъ грамотѣ въ своемъ домѣ, который состоялъ всего изъ двухъ восьми аршинныхъ

комнатъ: чистой, гдѣ помѣщался священникъ со своею семьей, и кухни, въ которой жила прислуга. Трудъ съ ребятами былъ громаднѣйшій, такъ какъ оказалось, что нарѣчіе въ селѣ было какое-то особенное: вмѣсто богородице говорили—богородиче; церковь—черковь; человекъ—целовикъ; тычина—тыцына и пр. Но импровизованная школка, поставившая своимъ девизомъ: „терпѣніе и трудъ все перетрутъ“, дѣлала свое маленькое дѣло, разогрѣвала ледъ, прочищала путь въ невоздѣланнныя дебри. Но если такъ легко дѣло наладилось съ подростками, что весьма утѣшало священника, то маленькіе братишки и сестренки этихъ подростковъ приводили священника въ отчаяніе: съ ними онъ пока рѣшительно ничего не могъ подѣлать. Запуганные, кажется, съ перваго проблеска созванія, что „попъ уши обрѣжетъ“, дѣтиски, завидѣвъ священника, идущаго по улицѣ, какъ горохъ, рассыпались въ разныя стороны и лишь спустя немного времени, т. е. уже достаточно поприсмотрѣвшись къ этому чуду и не найдя пока въ немъ ничего особенно страшнаго, болѣе храбрые изъ нихъ, стануть, бывало, за уголь избы или сарая, да и высматриваютъ за священникомъ. — „Замѣтивъ это,—разсказывалъ священникъ,—я пустился на хитрость. Въ тотъ годъ былъ большой урожай яблоковъ. Предъ выходомъ изъ дома, я сталъ наполнять свои карманы сладкими яблоками и когда, проходя по улицѣ, замѣчалъ гдѣ-нибудь потихоньку выглядывающую бѣлую головку, бросалъ яблоко. И представьте, до того были дики ребята, что не смотря на весь соблазнъ, только проведивши меня изъ виду, рѣшались воспользоваться добычей. Мало по малу, благодаря чудодѣйственнымъ яблокамъ, ледъ началъ таять. Черезъ нѣсколько дней ребята уже ждали моего прохода, и за яблокомъ, если я бросалъ его, бѣжали въ перегонки, не опасаясь, какъ бы я вслѣдъ имъ не учинилъ какой каверзы. А еще черезъ недѣлку, ребенку чтобъ получить яблоко, надо было уже подойти подъ благословеніе, что ребята потомъ охотно и исполняли. Черезъ мѣсяць (тогда была чудная осень) я ходилъ въ поле и въ лѣсъ уже въ сопровожденіи кучи ребятъ; мы разсуждали, даже спорили, собирали камешки, травы, листочки деревьевъ, разсказывали „очень интересныя“ исторіи и даже... начинали пѣть молитвы. А черезъ три года, при помощи Божіей, у меня явилась настоящая

школа, приличный церковный хоръ, благолѣпіе въ храмѣ, хорошо обстроенные церковные дома. Живу я теперь и, вспоминая прошлое, благодарю смиренно Господа Бога. Не надобно даже вашего города! Да.... подъ грубой внѣшностью своего прихожанина я нашелъ золотое сердце,—заканчивалъ свою повѣсть этотъ теперь уже почти старецъ, священникъ. Вотъ истинный миссіонеръ своего прихода! И какъ бы счастлива была православная паства, если бъ побольше было такихъ миссіонеровъ! А у насъ, къ несчастію, любятъ публичныя собесѣдованія; у насъ давай начетчиковъ и знатоковъ раскола, а съ мелочью, дескать, мы и говорить не станемъ. А вотъ эти русыя головки,—это не язычники, нуждающіеся въ христіанскомъ просвѣщеніи? Развѣ это не благодарная нива для истинныхъ дѣлателей Христовыхъ? Развѣ за нихъ, за ихъ тяжкіе грѣхи темной, непросвѣщенной души не отвѣтитъ стражъ дома Израилева? Да, вотъ гдѣ благодарное поле дѣятельности для настоящаго пастыря — миссіонера! Велика, необъятно велика эта нива! Ждетъ она, томимая голодомъ, страстно зоветъ къ себѣ учителя—миссіонера. А онъ, этотъ изящный, сытый учитель шелъ мимо этого поля, для него оно представлялось и представляется слишкомъ узкимъ и не виднымъ, вѣдь ему желательны и милы только блестящіе турниры! Рассказываютъ, что въ Москвѣ 1), въ одинъ изъ раскольническихъ приходовъ, послѣ предшественниковъ—ученыхъ миссіонеровъ, священникомъ былъ назначенъ очень скромный іерей, никогда въ публичныхъ диспутахъ съ раскольниками не выступавшій и вообще въ сокрушительныхъ дѣлахъ противъ раскола ничѣмъ себя не зарекомендовавшій. Недоумѣвали, что же можетъ сдѣлать этотъ простецъ, когда тамъ ничего не подѣлали великіе и сильные? А сдѣлалъ онъ, оказывается, не мало, и сдѣлалъ просто, незамѣтно, безъ шума и трескотни. На первыхъ порахъ онъ свелъ (вѣроятно, не безъ умысла) знакомство съ лавочникомъ — старьевщикомъ, который, какъ оказалось впоследствии, былъ весьма вліятельнымъ въ своей средѣ раскольниковъ. Оба—и священникъ и старьевщикъ—скоро сошлись между собою въ своей слабости къ стариннымъ рукописямъ,

1) Случай этотъ въ свое время былъ подробно разсказанъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

которыхъ не мало—таки оказалось въ лавочкѣ антикварія, при чемъ рукописи были, по большей части, раскольническаго содержанія. Знакомство скоро перешло въ дружбу, результатомъ которой было неожиданное для старообрядцевъ присоединеніе старьевщика къ православной церкви. Черезъ посредство новаго своего друга, священникъ свелъ знакомство и съ другими раскольническими домами. И стали замѣчать окружающіе какое-то непонятное явленіе: публичныхъ собесѣдованій съ раскольниками у нихъ уже нѣтъ, въ церкви въ проповѣдяхъ раскола тоже не касаются, а обращеніе изъ раскола, а присоединенія совершаются чуть ли не ежедневно. Раскольники всполошились. Къ священнику стали поступать анонимныя письма угрожающаго характера. Наконецъ, совершилось нѣчто ужасное. Священникъ шелъ въ храмъ. Вдругъ изъ лавки, мимо которой онъ проходилъ, выбѣгаютъ двое — молодцовъ краснорядцевъ и начинаютъ безъ пощады бить священника. Натѣшившись вдоволь надъ беззащитнымъ человѣкомъ, краснорядцы разбѣжались, а священникъ, придя въ себя и собравшись съ силами, поплелся къ церкви. Случай вскорѣ огласился по всему приходу. Возмущенные дикимъ поступкомъ, прихожане рѣшили дать дѣлу законный ходъ, тѣмъ болѣе участники въ избіеніи и лица, ихъ подкупившіе, были извѣстны, они даже хвастались своимъ геройствомъ. Къ священнику явилась депутація съ просьбой начать дѣло. Но священникъ, какъ истинный служитель церкви, отвѣтилъ: „Не судить ихъ нужно, а Богу за нихъ молиться, потому что они - слѣпые, несчастные люди: они вѣдь не вѣдали, что и зачѣмъ дѣлали“. Поведеніе священника произвело потрясающее, впечатлѣніе на приходъ, въ особенности на старообрядцевъ. Въ слѣдующее воскресенье краснорядцы, виновники избіенія, стоя въ православномъ приходскомъ храмѣ, со слезами на глазахъ каялись въ своемъ ужасномъ поступкѣ, а ихъ невинная жертва утѣшалъ ихъ и звалъ въ ограду православнаго стада Христова... Не долго судилъ Господь вѣрному пастырю поработать въ вертоградѣ своемъ. Прошло пять лѣтъ и онъ успокоился отъ трудовъ своихъ, давшихъ въ результатѣ до 2.000 чел. обращенныхъ изъ раскола въ православіе... Да, не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ и любви. Не мудрость и философія покорила міръ, а святая простота, кро-

тость, любовь..., любовь, не помнящая зла и душу полагающая за ближних!..

Въ 1896-мъ году мы имѣли удовольствіе познакомиться съ однимъ изъ самарскихъ священниковъ, о. Ц., который разсказалъ намъ весьма любопытныя вещи изъ жизни священниковъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ приходахъ съ сектантскимъ населеніемъ. Разсказы эти мы тогда же записали въ свой дневникъ. Мы остановимся собственно на обрисовкѣ дѣятельности одного молодого іерея.

О. Василій (будемъ такъ звать молодого іерея) поступилъ, по окончаніи курса и трехлѣтняго учительства въ земскомъ училищѣ, въ село, зараженное сектантскими идеями въ такой мѣрѣ, что добрая половина прихода, безъ всякихъ колебаній, могла быть зарегистрирована въ графу не признающихъ православной церкви. Усердные миссіонеры воинствующей клики сейчасъ бы и полицію, и публичныя собесѣдованія, и рапорты, и донесенія. Но о. Василій пришелъ дѣлать дѣло, а не шумѣть. Между прочимъ, онъ былъ большимъ любителемъ и знатокомъ пѣнія; въ приходѣ же церковнаго хора не было. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, священникъ рѣшилъ немедленно приступить къ организаціи хора. На счастье, къ пѣнію оказались способны и діаконъ и псаломщикъ; нашлись, кромѣ нихъ, два любителя: одинъ изъ служащихъ въ барской экономіи и жена псаломщика—бывшая епархіалка. Но гдѣ же взять еще пѣвцовъ? Не вчетверомъ же изображать хоръ? „Можно на селѣ найти грамотныхъ?—спрашиваетъ священникъ своего помощника—діакона—,Можно-то, можно, какъ не найти? Да все молокане... грамотные-то“... Священникъ, записавши имена и фамиліи этихъ „грамотныхъ молоканъ“, въ одно прекрасное утро отправляется по ихъ домамъ. Прежде всего онъ попадаетъ въ домъ богатаго крестьянина, который считался главаремъ „новой“ вѣры. Священника приняли чиньчиномъ, довольно радушно.

„Такъ и такъ,—начинаетъ священникъ. Ужъ очень скучно, у насъ въ церкви-то. Надо хоръ завести, но вотъ горе оказывается, пѣтъ некому. Надумалъ просить всѣхъ грамотныхъ прихожанъ. Будьте добры, не откажитесь и вы съ нами попѣть. У васъ, говорятъ, хорошій теноръ“. Хозяинъ,—это былъ 30—33-хъ лѣтній ражій мущина,—нѣсколько поту-

пился. Видно было, что въ немъ боролись два противоположныхъ чувства; и польщенъ онъ былъ предложеніемъ и что-то удерживало его отъ изъявленія согласія. „Отцу духовному скажу всю правду“,—накоонецъ проговорилъ онъ. „Съ великой охотой попѣлъ бы, да... вы можете быть и слышали, по „духовному“ хотимъ мы“...—Почему же это такъ вдругъ. Вѣдь въ прошломъ году вы, кажется со всѣмъ семействомъ были у исповѣди и св. Причастія?

— И нынѣ, батюшка, отъ святыхъ таинъ не отказываемся. Вотъ только насчетъ иконъ, постовъ, мощей, большое у насъ сомнѣніе.

„Ну, этотъ еще не потерявъ“, подумалъ священникъ и еще усерднѣе сталъ просить хозяина согласиться на его просьбу.

Повѣрьте,—говорилъ священникъ,—я не буду трогать вашихъ религіозныхъ убѣжденій, даже словомъ не буду касаться ихъ, если пожелаете. А, вы, всетаки, не отказывайтесь; меня не огорчайте!

— Вотъ что, батюшка, сказала хозяйнѣ, подумавъ немного, пойдете-ка къ В. Н.—чу. Мы тамъ посоветуемся, да сообща и порѣшимъ. В. Н.—чѣ человекъ нужный. И голосъ у него добрый: первый запѣвала на нашихъ собраніяхъ.

У В. Н.—ча дѣло пошло еще лучше. Черезъ десять минутъ было уже все рѣшено и подписано, какъ говорится. Собесѣдники предложили даже понабрать изъ „своихъ“ еще человекъ десять, которые поспособнѣй. „Не вамъ же—говорили они священнику,—ходить къ каждому изъ насъ да кланяться“...

Въ ближайшіе дни состоялась первая спѣвка. Сначала чувствовалась какая-то натянутость. Но достаточно было первой перемѣны, во время которой былъ предложенъ чай (дѣло происходило въ домѣ священника), какъ неловкость эта отошла сразу на второй планъ, напротивъ, всѣ увлеклись разговорами о пѣніи и стали мечтать о будущемъ. Незамѣтно наступили сумерки осенняго дня. Зажгли огни. Спѣвка давно окончилась, а общество еще не расходится. Начались разные разговоры о житейскихъ вопросахъ и только глухая полночь заставила разойтись новыхъ знакомыхъ. О религіозныхъ вопросахъ не было сказано ни слова.

Съ каждой новой спѣвкой дѣло налаживалось все лучше и лучше. вмѣстѣ съ тѣмъ между членами этой новой семьи

завязывалась крѣпкая нравственная связь, дружба, единеніе. Черезъ мѣсяць, на престольный праздникъ въ храмъ пѣлъ новый хоръ, а священникъ уже не успѣвалъ давать личные отвѣты на запросы „грамотныхъ молоканъ“—такъ ихъ было много!—а принужденъ былъ дѣлать письменные отвѣты, которые и обсуждались затѣмъ, строка за строкой, въ домѣ В. Н.—ча всѣми интересующимися, даже тщательно чуть не печатными буквами, переписывались и разсылались по сосѣднимъ селамъ „для прочтенія“, направили даже нѣсколько писулечекъ въ Воронежскую губ. къ своимъ учителямъ, да тѣ что-то ни отвѣта, ни привѣта не дали... Такимъ образомъ, священникъ черезъ маленькое дѣло пріобрѣлъ себѣ цѣлый десятокъ хорошихъ сотрудниковъ изъ сектантской среды и сѣумѣлъ,—конечно, благодаря неослабной энергіи и особой, какъ бы прирожденной тактичности,—сдѣлать то, что изъ прихода, уже зараженнаго сектантствомъ, черезъ 2—3 года послѣ его поступленія, явился своего рода оплотъ православія, высылающій нынѣ, въ видѣ мастеровыхъ—рабочихъ, въ разныя стороны прекрасныхъ добровольцевъ—миссіонеровъ и защитниковъ православія. Одинъ изъ нихъ сдѣлался книгоношей, затѣмъ получилъ должность псаломщика, а нынѣ, говорятъ, уже діаконствуетъ въ своемъ родномъ селѣ.

Но сколько надо было поработать священнику, чтобъ достигнуть такихъ результатовъ! Онъ рѣшительно ни одного случая не пропускалъ, чтобъ не перекинуться словечкомъ съ тѣмъ или другимъ прихожаниномъ по интересующему предмету и, что особенно хорошо, дѣлалъ это всегда такъ, что его собесѣдники какъ будто и не догадывались, куда клонила рѣчь и почти всегда начинали сами говорить именно о томъ, о чемъ хотѣлось священнику.

О различномъ характерѣ и неодинаковыхъ результатахъ миссіонерства приходскаго священника и наѣзжаго миссіонера всего лучше говорить отмѣченный недавно въ одной изъ поволжскихъ газетъ слѣдующій случай. Жилъ священникъ въ своемъ сельскомъ приходѣ: онъ былъ прекрасной жизни, хорошей семьянинъ, примѣрный хозяинъ (это тоже очень цѣнится крестьянами) и человѣкъ весьма богомольный. Село было раскольничье. Онъ завелъ въ храмъ истовое, строго уставное богослуженіе, хорошее пѣніе и... что же

наконецъ? въ концѣ концовъ достигъ того, что всѣ проживающіе въ приходѣ раскольники, одинъ за другимъ перешли въ православіе, даже самые закоренѣлые. Начальство обратило вниманіе на добраго пастыря и предложило ему должность уѣзднаго миссіонера. И что же? получилось что то совершенно неожиданное. При наличности сугубаго усердія и прежнихъ добрыхъ сторонъ жизни и дѣятельности новаго миссіонера, ни одного обращенія! Куда что дѣвалось!

Съ той основной мыслью, которая раскрывается въ этой статьѣ, и съ тѣми доводами, которыя приводятся въ доказательство этой мысли, не согласиться трудно, а потому остается только пожелать, чтобы эта мысль получила практическое осуществленіе.

Н. Высоцкій.
